

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 314.7
ГРНТИ: 05.11.27

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛЮДЕЙ ИЗ ИММИГРАНТСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ В ГЕРМАНИИ: ПРИМЕР БЕРЛИНА

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.5.84.1296

Гильманова Елена Маратовна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

АННОТАЦИЯ

Исследователей все больше интересует, как мигранты воспринимают себя в новой для них среде, но вопросы идентичности и принадлежности становятся все более сложными в современном плюралистическом обществе. Германия - особый случай, поскольку правительство реализовало несколько программ переселения, тем самым самостоятельно выделив определенные группы. В статье рассматривается то, каким образом русскоязычные иммигранты в Берлине, идентифицируют себя и влияют ли на их самоидентификацию наличие программ, которые предоставляют различные условия включения в немецкое общество.

Основные результаты показали многообразие типов самоидентификации. Однако сильного влияния программ отмечено не было. Была выявлена достаточно высокая значимость социального круга, гражданства, а главное - городской среды для построения модели самоидентификации.

Ключевые слова: Самоидентификация, кризис идентичности, мигранты, русскоязычные немцы, межкультурные взаимодействия

В современном плюралистическом обществе идентичность становится все более сложной, проблематизируя вопросы, связанные с противоречиями между индивидуальной и множественной идентичностями как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях [12]. В данном контексте проблема миграции занимает особое место: принимающее общество неоднородно, что привело некоторых исследователей к разработке идей «гибридности» как «третьего пространства» между домом и принимающим обществом [14]. Исследователи заинтересовались тем, как люди из среды иммигрантов воспринимают себя в новом обществе, в то время как идентичность и принадлежность становятся все более сложными [3].

Взяв в пример Германию, мы имеем конкретный случай, в частности, в отношении русскоязычного населения. Во многом это связано с тем, что немецкое правительство реализовало несколько программ переселения для жителей России и бывшего Советского Союза. Одна из программ направлена на возвращение этнических немцев, что было особенно актуально в послевоенной Германии с демографическими проблемами. В память о жертвах нацистского режима была реализована программа для людей с этническим еврейским происхождением.

Сами программы выделяют определенные группы. Таким образом, в Германии, есть много русскоязычных мигрантов, прибывших в разное время и с совершенно разными условиями. Стоит посмотреть, как программы повлияли на людей. Цель исследования состояла в том, чтобы изучить, как русскоязычные мигранты идентифицируют

себя при наличии или отсутствии данных программ. Повлияли ли эти программы на формирование идентичности и насколько этнические немцы действительно стали немцами, евреи и русские были интегрированы в это общество.

Объектом исследования являются русскоязычные иммигранты, проживающие в настоящее время в Берлине. Выборка состоит из молодых людей из иммигрантской русскоязычной среды в возрасте от 20 до 40 лет (одна когорта). На основе существующих в Германии официальных программ были выделены три категории респондентов: «русские немцы» (12 респондентов); «русские евреи» (7 респондентов); а также «русскоязычные» (16 респондентов), которые приехали в Германию без каких-либо государственных программ.

В исследовании использовалось углубленное, полуструктурированное интервью, которое предоставило место для дополнительных вопросов. Что касается структурной части, которая идет после открытого вопроса о жизни человека, то деление вопросов распадалось на тематические кластеры, последовательность которых в некоторых случаях могла варьироваться. Общая методика отнесена к «вихревому принципу» - направленность вопросов эволюционировала от общего к частному, от менее личного к более интимному.

Рассматривая влияние интеграционного процесса на самоидентификацию, необходимо было выяснить, с какими трудностями сталкиваются люди, с какими «сдерживающими факторами» они имеют дело. Цель вопросов состояла в том, чтобы уточнить подробности об

опыте респондентов переезда в Германию и их нынешнем проживании в стране, что может проиллюстрировать некоторые аспекты самоидентификации. Примерный перечень вопросов содержал вопросы, уточняющие первые впечатления от Германии; трудности, с которыми они столкнулись и как привыкли к новой жизни; как видят страну сейчас (описание принимающего сообщества); ключевые социальные отношения (с кем они общались сначала, с кем общаются сейчас); принимают ли они активное участие в жизни Германии как граждане (будучи членами каких-либо организаций, партий; принимая участие в голосовании).

В целом в их повествовании особое внимание уделялось контексту употребления «я», и «мы»; конкретным компонентам «я» и «другие»; альтернативной идентичности/идентичностям, подчеркиваемым респондентом; отношению к принимающему сообществу, степени корреляции себя с принимающим сообществом или экранированию себя.

Исследование основано на констатации сложности и динамичности процесса идентификации. Одним из первых исследователей, представивших эту идею, был Фредрик Барт [4]. Хотя он изучал проблему этнической идентичности, его идеи заложили основу для изучения процесса идентификации как таковой. Барт представил идею о социально сконструированной этнической идентичности с ее дифференцирующими показателями.

В исследовании самоидентификация определена как внешний и внутренний процесс конструирования (широкий термин, подразумевающий субъективность и автореферентность, а также понимание других [7]). Это специфическая контекстуальная и референтно-зависимая модель, нивелирующая многообразие социальных идентификаций. Человек имеет различные социальные идентичности, нивелируя их в определенном порядке, конструируя модель самоидентификации [12]. Относительная важность социальных идентификаций сильно варьируется. Это выравнивание значимости относится к широкому разнообразию чувства принадлежности (классовому, местному, национальному, этническому и многим другим аспектам).

Изменения самоидентификации зависят от высокого уровня инкорпорации и совместимости ценностей, а также могут привести к проблеме изменчивости «третьего элемента», который принадлежит к обеим группам и не принадлежит к ним одновременно [12], и/или дилемме личной идентификации в «переходных зонах» [10]. Степень группности (чувство принадлежности к определенной, ограниченной группе) связана с определенной категорией в определенном контексте и зависит от социального механизма, такого как категоризация и стереотипизация [7].

Модели самоидентификации

По результатам исследования была предпринята попытка типологизации

респондентов. Каждый тип имеет более или менее сходные модели самоидентификации. При рассмотрении нарратива респондентов основной акцент делается на том, с кем они идентифицируют себя и на подчеркнутом чувстве принадлежности. Поскольку самоидентификация отражается в том, как респонденты говорят о группе/группах принадлежности, внимание уделено компонентам, определяющим границы между группами.

В рамках своей типологии я выделил четыре модели самоидентификации респондентов. Для одних основной тип идентификации был связан с чувством принадлежности к какой-то конкретной группе, и они устанавливали прочные границы между сконструированными группами. Я буду называть их «частью группы». Другие респонденты заявили в качестве основного типа своей идентификации свое гражданство и принадлежность к государству без акцентирования какой-либо конкретной группы своей принадлежности. Я буду называть их «гражданами». Следующий тип, «мигранты», подчеркивали принадлежность к стране происхождения или ее культуре, и указывала на принадлежность к мигрантам или близость к иностранцам в Германии. «Многосторонние» относили себя и к «немцам», и к «русским», констатируя двойственный характер их идентичности с дилеммой идентификации.

«Часть группы»

Для респондентов, которых я назвал «частью группы», важно было подчеркнуть свою принадлежность к определенной группе, выстроив четкие границы с «другими». Повествования об их самоидентификации в основном строились на противопоставлении себя внешней группе. Главное сравнение было между «русскими» («русскоязычными», «славянами», «россиянами») и «немцами» («чистыми немцами»).

Эти респонденты указали конкретные выделенные компоненты в качестве критериев атрибуции групп. Как правило, они рассматривают менталитет как основную категорию для разграничения групп. При этом они описывали менталитет как устойчивую сущность. Но особенности, определявшие менталитет или конкретную культурную характеристику, рассматривались по-разному. Для кого-то именно национальность, этничность, «корни» или «кровь» определяют менталитет как неизменную субстанцию. Для других менталитет определяет страна, в которой человек вырос или родился.

«Граждане»

«Я гражданин» - такой прямой ответ давали некоторые респонденты на вопрос о самоидентификации. Для них на первом месте стоит личность гражданина. Некоторые упоминали свою культурную и/или этническую идентичность, но для она не была главной, также не проводились четкие разграничения между группами, почти никогда не указывались какие-то конкретные группы. Такие респонденты подчеркивали свою принадлежность к государству и указывали на свои

обязанности как гражданина, такие как голосование.

Были также респонденты, которых можно назвать «гражданами мира». Для них самоидентификация связана со страной, в которой они живут, и их самоидентификация является предметом изменения с новой страной проживания. Этих «граждан мира» можно считать «гражданами», поскольку, несмотря на отсутствие прямого ответа «Я гражданин» и немецкого государства и важности уважения страны проживания, являющейся его частью. Также ссылались на свою принадлежность к Берлину и его интернациональность. Этническая идентичность для них вовсе не является первостепенной, и они также не акцентировали внимание на каких-то конкретных группах, заявляя, что «все зависит от человека».

В целом, в нарративе этого типа респондентов нет сильных граней между группами, и самоидентификация связана с гражданством. «Гражданин» активно участвует в общественной жизни, и для них «все зависит от человека», а не от места его рождения. Каждый имеет интернациональный круг общения и подчеркивал свою принадлежность к Берлину с его интернациональностью, считая Берлин своим домом, как отметили несколько респондентов, «не Германию, а Берлин». Все «граждане» демонстрировали идею Масси о том, что место производит смысл, вызывая чувство принадлежности [15]. И в этом случае именно город стал частью их самоидентификации.

Рассматривая высказывания об идентификации как гражданина со своим долгом, своей принадлежностью, можно упомянуть так называемую «межкультурную гражданскую» идентификацию [9]. Этот термин включает в себя несколько важных аспектов. Во-первых, это сознательная самоидентификация как граждан. Во-вторых, это принятие ответственности. Но что важно и что было заявлено респондентами, так это адаптивные границы, позволяющие проводить множественную групповую идентификацию. Поэтому они служили примером принятия различий; способность к совместной адаптации и к «межкультурной этичности».

«Мигранты»

«Мигранты» также не проводили четкого разграничения между группами, и у них также есть международный социальный круг, но они подчеркивают свою культурную идентичность, которая для них в основном относится к стране их происхождения или к языку, а не к конкретной этнической или национальной группе. Подчеркнутая принадлежность к стране отразилась и в одной специфической черте этих респондентов - некоторые из них не готовы отказаться от российского гражданства.

Эти респонденты не делали никакого разделения между иностранцами в стране, также указывая, что все зависит от человека, и в

некоторых случаях они открыто заявляли, что идентифицируют себя с мигрантами, поэтому лояльны к ним.

«Многосторонние»

«Многосторонние» обладают двойственной природой идентичности и представляют собой «3-й элемент» Томаса Хилланда Эриксона [12] или «переходные зоны» Харальда Эйдхайма [10]. Все они приехали в Германию до семи лет и в одних случаях они разделяли «стороны» своей идентичности на немецкую и русскую, проявления которых зависели от контекста, в других рассматривали одну «сторону» как мышление, другую - как сердце.

Самоидентификация этих респондентов со временем менялась. Она менялась как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе. Под долгосрочным я подразумеваю переосмысление самоидентификации в длительном периоде времени или ситуацию, когда самоидентификация изменилась при определенных обстоятельствах. Под краткосрочными я подразумеваю изменения, происходящие в зависимости от контекста.

Эти респонденты с дилеммой самоидентификации, как правило, сами подчеркивают контекстуальность и изменчивость своей самоидентификации, которая в целом зависит от влияния социального круга.

Нарративы строились на сравнении себя с «чистыми немцами» и «чистыми русскими». Некоторые из них подчеркивали другие группы, но это не общий случай. Важно отметить, что контекстная зависимость одного типа идентификации начала проявляться в нарративе респондентов как таковом. Через нарратив респонденты больше подчеркивали одну часть своей идентичности, но затем они пришли к признанию двойственной природы своей идентичности. Они считали, что проявление этих «сторон» зависит либо от контекста, либо от внутренних ощущений. Они отмечали, что вопрос об их самоидентификации для них труден. Все они констатировали свою дилемму идентификации, ее зависимость от контекста и изменчивые черты, демонстрировали неустойчивость идентификации с ее слиянием и смещением границ.

Заключение

Не было ни одного респондента, который идентифицировал бы себя как «русский немец» или «еврей». Нельзя сказать, что этнические корни для тех, кто приехал в Германию с программами для русских немцев и русских евреев означают что-то особенное. И я бы объяснила это тем, что все мои респонденты были привезены в Германию родителями, это было не их решение, и нельзя сказать, что даже для их родителей их этническая принадлежность что-то значила.

Респонденты, приехавшие в Германию с программой для «русских немцев», говорили о своем переезде в страну очень поверхностно, сформулировав это в одной фразе: есть программа, приезжаешь, тебя отправляют в разные города.

Почти все ссылались на своих бабушек и дедушек, которые являются русскими немцами, и указывали, что их родители решили использовать этот факт для переезда в Германию. Но первоначальные причины были другими. Во многих случаях причиной была ситуация 90-х.

Мы можем сослаться на исследовательскую группу Андреа Брюк-Клингберг из Института рынка труда и профессиональных исследований Федерального агентства занятости [8], которая изучала низкие возможности трудоустройства для «поздних переселенцев». Чтобы объяснить свою ситуацию на рынке труда, исследовательская группа сослалась на первую волну переселенцев, пришедших до 90-х годов, которые, как правило, знали немецкий язык, в то время как «поздние переселенцы» не знали. Исследователи констатируют не только знание языка ранних групп переселенцев, но и их знание немецкой культуры в отличие от «поздних переселенцев». Таким образом, можно предположить, что переселенцы из первой волны сохраняют свою немецкую этническую идентичность, как в случае с бабушками и дедушками моих респондентов, в то время как «поздние переселенцы» - нет.

Такая же ситуация была и с теми респондентами, которые приехали с программой для еврейского контингента беженцев. В целом программа в их повествовании, как правило, тоже не занимала много места и не касалась этнических корней. И опять же, причина, по которой их родители решили переехать в Германию, заключалась не в их этнических корнях. Это не было решением респондентов переехать в другую страну, и о своих корнях они почти ничего не знают. Как правило, респонденты говорили о своих родителях, которые хотели для них лучшего будущего.

Респонденты, приехавшие с программой для евреев, в основном идентифицируют себя как «граждане» Германии, подчеркивая свою принадлежность к Берлину. Существует потенциальный факт, который повлиял на их модель самоидентификации со значением «гражданин» как основной социальной идентификации. Все они приехали из больших городов - Москвы, Санкт-Петербурга, Одесса. Яннис Панайотидис [17] обратил внимание на этот факт и рассматривал его как условие, которое помогло быстрее интегрироваться тем, кто пришел с программой для еврейского контингента беженцев. Но город происхождения мы можем вообще рассматривать как влиятельную силу, принимающую участие в социальном конструировании самоидентификации.

В больших городах наблюдается сравнительно небольшое присутствие таких специфических социальных и когнитивных механизмов, как социальная категоризация и стереотипизация, которые повышают уровень группности [6]. Причем респонденты, приехавшие из крупных городов, не определили каких-то конкретных групп, очерченных сильными социальными

границами. То же самое можно сказать и о Берлине как городе проживания.

Большой город может влиять на самоидентификацию мигранта своим низким уровнем предрассудков [18], культурной конвергенцией [1], позитивным взаимным отношением между культурными группами; чувством привязанности или идентификации с большим обществом всеми группами [5]. Все те, кто не строил повествование о своей идентификации на противопоставлении двух или нескольких групп и не проводил четкой границы между группами, указывали на свое чувство принадлежности к Берлину с его межкультурностью. Эти респонденты отметили перечисленные выше характеристики большого города как те, которые играют для них большую роль, что привело к тому, что они идентифицируют себя как граждане Берлина с низким уровнем группированности. Таким образом город выступает в качестве «смыслового центра» [11].

Те респонденты, которые переехали в Берлин из немецких малых городов, отметили, что существует иная картина маленького города с близкими этническими общностями. «Русские немцы», как способ идентификации группы, упоминались только теми, кто переехал в Берлин из небольших немецких городов. В таких городах было много русских немцев, и мои респонденты рассказывали, что пытались отделить себя от этой группы, указывая на то, что «они не имеют ничего общего с русскими».

Говоря о «русских немцах» в этих небольших городах и изображая их как отдельную группу, респонденты отмечали аспекты, перечисленные исследователями, изучавшими социальные границы между немцами и русскими немцами [13]. А именно взгляды на условия этой программы: они говорили о том, что создается впечатление, что программа дала слишком много, что государство гораздо больше сосредоточилось на российских немцах, давая им лучшее, в то время как российские немцы ничего не хотят делать.

Важность города и федеративной земли в Германии была отмечена Яннисом Панайотидисом [16]. Он говорил о неоднородности среди русских немцев, которая будет усиливаться с ростом второго поколения и тех, кто приехал в Германию в детстве, делая акцент на том, что в целом в настоящее время их отличие от немецкого населения в большей степени связано с особенностями, своеобразием конкретных земель, в которых они проживают. Поэтому он призывает избегать «ложных гомогенизирующих интерпретаций совместимости русских с немцами». Но так можно сказать не только о русских немцах, но и о людях из русскоязычной среды как таковой.

Исследование Фонда Шейдера [8] показало, что после распада Советского Союза основным мотивом для переселения была возможность обеспечить лучшее будущее для себя и своих детей в богатой стране. Однако переезд часто

происходил, несмотря на сопротивление некоторых родственников семьи, особенно детей (в основном детей старшего возраста) и подростков, не желавших расставаться со сверстниками на родине. Исследователи рассматривали это как одну из причин жесткой интеграции. В случае с моими респондентами почти все они упоминали о том, что была ситуация 90-х годов и что касается подростков, то они не хотели переезжать (не только русские немцы), но этот факт на них не влиял. Все такие респонденты считают себя гражданами Германии или/и Берлина, активно участвующими в государственной жизни или считают себя «мигрантами», не проводящими границ между группами. Все они также подчеркивали свою принадлежность к Берлину. Но опять же можно упомянуть о влиянии Берлина. Дело в том, что те, кто упоминал о маленьких городах Германии, отмечали эти факты о русских немцах, живших там и собирающихся в их общине. Они дали те же объяснения этому сообществу, что и исследование Фонда Шейдера. Итак, можно сказать, что мои

респонденты - это представители конкретного случая большого города.

Мое исследование не показало, что на способ самоидентификации людей из русскоязычной иммигрантской среды в Берлине влияют программы, направленные на их интеграцию. Но исследование показало частичное продолжительности пребывания и возраста прибытия, а также влияние таких составляющих, как социального круга, статуса гражданина (гражданство как официальное и не официальное, чувство принадлежности к государству и городу) и городской среды.

Ниже приведена сводная таблица групп. Пустые ячейки в таблице означают, что этот показатель не был значимым в данной группе. Эта таблица не является статистикой, поскольку 33 респондента недостаточно для статистической картины. Более того, это было качественное исследование, а не количественное, но сводная таблица дает компактную общую картину, характеризующую некоторые сходства в способе самоидентификации и профиле этих респондентов.

Общие характеристики	«Часть группы»	«Граждане»	«Мигранты»	«Многосторонний»
Нивелирование значимости идентификации	Культурная и/или национальная	Гражданство	Культурная	Культурная
Чувство принадлежности к	Конкретной группе	Страна проживания (город проживания)	Родная страна	Две группы «немцев» и «русских»
Границы между группами	Сильные	Не сильные	Не сильные	
Возраст прибытия в Германию	до и после созревания (после 14) (в основном)	От 14 – 23 лет (в основном)	До 23 лет (в основном)	до 7 лет
Продолжительность жизни в Германии		Долгосрочная и средняя продолжительность	Долгосрочная и средняя продолжительность	Долгосрочная продолжительность
Родной город	Малые или средние города (как правило)	Большие города	Большие города (как правило)	
Количество	10	9	11	4

Список литературы:

1. Alba, R, Nee V. Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.
2. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism, London, New York, Verso, 1991.
3. Appadurai, A. 1996. Here and now. In: Arjun Appadurai, Modernity at large: Cultural dimensions of globalization, pp. 1-23.
4. Bahrt F. The Social Organisation of Cultural Differences, Universitetforlaget, 1969.

5. Berry J. W. Immigration, Acculturation, and Adaptation Applied Psychology: An International Review, 1997.46 (1). p.5-68.

6. Brubaker R. and Kim J. Transborder Membership Politics in Germany and Korea. Archives européennes de sociologie/European Journal of Sociology 2011, 52(1), p. 21-75.

7. Brubaker R., Ethnicity without Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

8. Brück-Klingberg A., Burkert C., Seibert H., Wapler H. Spätaussiedler mit höherer Bildung sind öfter arbeitslos, Bundesagentur für Arbeit, IAB Kurzbericht Ausgabe, (8), 2007.

9. Castiglioni I. and Bennett. M.J. Building Capacity for Intercultural Citizenship. *Open Journal of Social Sciences*, 2018, 6, 229-241.
10. Eidheim H. When Ethnic Identity is Social Stigma / Bahrt Frederik, *The Social Organisation of Cultural Differences*, Universitetforlaget, 1969, p.39-53/
11. Entrikin J.N. *The Betweenness of Place. Towards a Geography of Modernity*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991.
12. Eriksen T. H. *What is anthropology?* Pluto Press, 2004.
13. Kassis W., Panagiotidis J., Heller P. „Ich würde nicht in eine Wohngegend mit vielen Russlanddeutschen ziehen“. Stehen soziale Vorurteile gegen Russlanddeutsche in engem Zusammenhang mit Ausländerfeindlichkeit und Dominanzorientierung? *Jahrbuch des BKGE* 24, 2016, p. 335 – 355.
14. Kaya, A. 2002. “Aesthetics of Diaspora: Contemporary Minstrels in Turkish Berlin,” *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 28(1), p. 43-62
15. Massey D. S., Nancy A. Denton. *American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press 1993.
16. Panagiotidis J. *Geschichte der Russlanddeutschen ab Mitte der 1980er Jahre*, URL:<http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/russlanddeutsche/249842/geschichte-der-russlanddeutschen-ab-mitte-der-1980er-jahre>
17. Panagiotidis J. In *Postsowjetische Migranten Deutschland Perspektiven auf eine heterogene „Diaspora“ Aussiedlung Beheimatung Politische Teilhabe (APuZ)* 11–12, 2017.
18. Portes A., Zhou M. *The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants*, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1993.

УДК 31; 311
ББК 04.51.23

**ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ К МИГРАНТАМ В
РАЗРЕЗЕ 2015 И 2020 ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА)**

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.5.84.1301

Константин Дмитриевич Гончаренко
1 Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация

**RESEARCH OF THE ATTITUDE OF THE HOST POPULATION TO MIGRANTS IN 2015 AND 2020
(ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF CHELYABINSK)**

Konstantin Dmitrievich Goncharenko
1 Chelyabinsk State University, Chelyabinsk,
Russian Federation

Актуальность

Согласно демографическому прогнозу развития России до 2035 года, население России будет продолжать сокращаться, сохранится тенденция низкой рождаемости и высокой смертности, ставка руководства России на привлечение мигрантов, которые позволят не только сохранить, но и увеличить численность населения России [1].

Увеличение потока мигрантов из СНГ обострит межнациональные и межконфессиональные конфликты, произрастающие в серьёзные конфликты по примеру Франции, Германии, США. Дабы снизить напряженности и не допустить острых конфликтов между принимающим населением и мигрантами - необходимо выстраивать двухстороннюю работу по снижению напряженности. Одной из форм выявления напряженности является опрос принимающего населения.

Целью данного опроса является - выявление особенностей отношения принимающего населения по отношению к мигрантам из стран СНГ в динамике, на примере города Челябинска.

Relevance

According to the demographic forecast of the development of Russia until 2035, the population of Russia will continue to decline, the trend of low fertility and high mortality will continue, the rate of the Russian leadership on attracting migrants, which will not only save, but also increase the population of Russia [1].

But with an increase in the flow of migrants from the CIS, interethnic and interfaith conflicts are aggravated, growing into serious conflicts like France, Germany, and the United States. In order to reduce tensions and prevent acute conflicts between the host population and migrants, it is necessary to build two-way work to reduce tensions. One of the forms of identifying tensions is to interview the host population.

The purpose of this survey is to identify the characteristics of the attitude of the host population towards migrants from the CIS countries in dynamics, using the example of the city of Chelyabinsk.

Ключевые слова: мигранты, миграция, Челябинск, демография

Key words: migrants, migration, Chelyabinsk, demography